

ГРАММАТИКА ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ GRAMMAR OF FINNO-UGRIC LANGUAGES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.008-021>

<https://elibrary.ru/dkqhqi>

УДК / UDC 81'373:81'282.2(470.345)

Оригинальная статья / Original article

Суффиксы принадлежности как средство выражения категории притяжательности в говорах рузаевского ареала Республики Мордовия

Л. П. Водясова¹ ✉, Г. С. Иванова²

¹ Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация, <https://ror.org/01z1xpx75>

² МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, <https://ror.org/0262qgk29>

✉ LVodjasova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Говоры Рузаевского района Республики Мордовия (рузаевского ареала) характеризуются развитой системой суффиксов принадлежности, являющихся главным средством выражения категории притяжательности. Отсутствие работ по исследованию системы суффиксов этого типа в данном ареале обуславливает актуальность работы, направленной на описание их специфики в парадигмах склонения имени существительного. Цель исследования – выявление сходств и различий в системе суффиксов принадлежности в говорах рузаевского ареала.

Материалы и методы. Исследование, базирующееся на материалах диалектологических экспедиций в села Рузаевского района Республики Мордовия, опиралось на синхронно-описательный метод (для анализа современного состояния суффиксальной парадигмы) и структурный метод (для выявления закономерностей варьирования и отношений между элементами системы). Обработка полевых данных осуществлялась с привлечением методов количественного анализа и включенного наблюдения, что позволило минимизировать влияние наблюдателя и зафиксировать естественную спонтанную речь носителей говоров.

Результаты исследования и их обсуждение. Говоры рузаевского ареала неоднородны: одна группа является носителем признаков центрального диалекта, вторая – переходного, а третья – юго-восточного диалекта и северо-западной группы западного диалекта. Такая неоднородность вызвана синхроническими, а также историческими фонетическими процессами, действующими в диалектах мокшанского языка в разные периоды их развития. Неоднородность фонетической системы находит отражение и в морфологических показателях. В результате исследования удалось выявить междиалектные варианты формантов принадлежности в говорах Рузаевского района. В мордовском языкознании система суффиксов принадлежности данного ареала рассматривается впервые.

Заключение. Собранный диалектный материал, который впоследствии будет размещен в кроссплатформенной системе Lingvodoc, позволил авторам проанализировать формы имен существительных, выражающих притяжательные отношения; установить варианты суффиксов принадлежности в падежных парадигмах притяжательного склонения и описать их морфологические свойства. В результате проведенного исследования получены данные, которые уточняют специфику диалектной категории притяжательности и расширяют научные представления об этой универсальной категории языка.

Ключевые слова: говор, рузаевский ареал, притяжательность, суффикс принадлежности, агглютинация, алломорф

© Водясова Л. П., Иванова Г. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Водясова Л.П., Иванова Г.С. Суффиксы принадлежности как средство выражения категории притяжательности в говорах рузаевского ареала Республики Мордовия. *Финно-угорский мир.* 2026;18(1):8–21. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.008-021>

Possessive Suffixes as a Means of Expressing the Category of Possession in the Dialects of the Ruzaevka Area of the Republic of Mordovia

L. P. Vodyasova^a ✉, G. S. Ivanova^b

^a *Mordovian State Pedagogical University named after*

M. E. Evseviev, Saransk, Russian Federation, <https://ror.org/01z1xpx75>

^b *National Research Mordovia State University,*

Saransk, Russian Federation, <https://ror.org/0262qgk29>

✉ LVodyasova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The dialects of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia (the Ruzaevsky area) are characterized by a well-developed system of possessive suffixes, which constitute the main means of expressing the category of possession. The absence of studies devoted to the system of suffixes of this type in this area determines the relevance of the present research, aimed at describing their specific features within the paradigms of noun declension. The aim of the study is to identify similarities and differences in the system of possessive suffixes in the dialects of the Ruzaevsky area.

Materials and Methods. The study, based on materials collected during dialectological expeditions to villages of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia, relied on the synchronic-descriptive method (for analyzing the current state of the suffixal paradigm) and the structural method (for identifying patterns of variation and relationships between elements of the system). The processing of field data was carried out using methods of quantitative analysis and participant observation, which made it possible to minimize the observer's influence and to record the natural spontaneous speech of dialect speakers.

Results and Discussion. The dialects of the Ruzaevka area are heterogeneous: one group exhibits features of the central dialect, the second shows characteristics of a transitional dialect, and the third reflects features of the south-eastern dialect as well as the north-western group of the western dialect. This heterogeneity is caused by synchronic as well as historical phonetic processes that have operated in the dialects of the Moksha language at different stages of their development. The heterogeneity of the phonetic system is also reflected in morphological markers. As a result of the study, interdialectal variants of possessive formants in the dialects of the Ruzaevsky District were identified. In Mordovian linguistics, the system of possessive suffixes in this area is examined for the first time.

Conclusion. The collected dialectal material, which will subsequently be incorporated into the cross-platform system Lingvodoc, enabled the authors to analyze the forms of nouns expressing possessive relations, to identify the variants of possessive suffixes within the case paradigms of possessive declension, and to describe their morphological properties. As a result of the study, data were obtained that refine the specific features of the dialectal category of possession and broaden scholarly understanding of this universal linguistic category.

Keywords: dialect, the Ruzaevka dialect area, possessiveness, possessive suffix, agglutination, allomorph

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00193 “Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vodyasova L.P., Ivanova G.S. Possessive Suffixes as a Means of Expressing the Category of Possession in the Dialects of the Ruzaevka Area of the Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World.* 2026;18(1):8–21. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.008-021>

Введение

Говоры рузаевского ареала Республики Мордовия неоднородны по своему составу. Так, перхляйский тип идентичен большинству говоров юго-восточного диалекта, сугарьевский – переходным говорам Торбеевского района (по составу вокализма) и центральному диалекту (по составу консонантизма), левженский очень близок к центральному диалекту и юго-западным говорам западного диалекта мокшанского языка.

Авторы статьи в своих предыдущих исследованиях уже обращались к характеристике различных языковых явлений говоров данного ареала. В частности, ими проанализированы особенности словоизменения, которые наблюдаются в парадигмах основного (неопределенного) и указательного (определенного) склонений, особое внимание уделено характеристике их фонетической и морфологической неоднородности [1–4]. Цель исследования – охарактеризовать еще одно явление словоизменения имени существительного, выявить сходства и различия в системе суффиксов принадлежности в говорах рузаевского ареала для цифровизации диалектного материала, который впоследствии будет размещен в кроссплатформенной системе Lingvodoc.

Как известно, суффиксы принадлежности (или лично-притяжательные) присоединяются к именам существительным во всех падежах. Они формируют особую притяжательную парадигму склонения, главное отличие которой от основного (неопределенного) склонения заключается в наличии именно этого суффикса (наряду с падежным).

Говоры рузаевского ареала Республики Мордовия характеризуются развитой системой суффиксов принадлежности, которые являются главным средством выражения категории притяжательности.

Обзор литературы

Категория притяжательности – это универсальная понятийная категория языка, которая описывает отношения между субъектом и объектом обладания. Ученые на материале генетически и структурно разных языков рассматривают различные ее аспекты. Так, Е. В. Краснощеков фокусирует внимание на специфике и внутренней структуре самой категории притяжательности [5]. Автор подчеркивает то, как именно она получает свое выражение в монгольском языке. С. М. Давлетшина концентрируется на структурных особенностях категории, отмечая ее неоднородность и представляя ее в виде «бинарной оппозиции» [6]. Ч. Л. Дэбрица выделяет конкретные типы конструкций (сопутствующая схема, схема место / цель, генитивная схема), используя детальный, классификационный подход на примере долганского языка [7]. Дж. Дж. Кристи применяет сравнительный метод внутри одного языка – суахили. Его цель – не просто описать притяжательный падеж, а показать его место в отличие от других падежей (локативного и экзистенциального) [8]. Важным нам представляется подход, предложенный Дж. Лайонсом. Исследователь рассматривает не просто изолированную категорию посессивности, а ее системную взаимосвязь с экзистенциальностью и локативностью. По мнению автора, предложения, выражающие существование или обладание, используются для введения новой информации о номинальном элементе, а локативные предложения – только для выражения новой информации о локативном элементе [9]. Принципиально иной подход к вопросу предложен в статье Г. Г. Торотаева и С. Г. Торотаевой. Авторы не исследуют категорию притяжательности как таковую, но создают инструментарий для ее описания (лингвистического аннотирования). Используя Лейпцигские правила глоссирования, они рассматривают основные словоизменительные характеристики имени существительного в якутском языке, в том числе и посессивность [10]. В сопоставительном

плане категория притяжательности исследовалась многими учеными¹, однако наиболее активно она разрабатывается на материале уральских (финно-угорских) языков, где занимает одно из центральных мест. Работа Дж. Марка стала одной из первых, в которой представлен анализ суффиксов принадлежности в целом в уральских языках². Работы других финно-угроведов в основном посвящены рассмотрению способов выражения притяжательных отношений в конкретных языках. Так, способы выражения множественного числа обладаемых в венгерском языке³, а также система суффиксов принадлежности в эрзянском и венгерском языках, обладающих непритяжательной семантикой⁴, в сравнительном плане стали предметом исследования Л. А. Кудашовой. Е. С. Едыгаровой представлено подробное описание способов выражения категории посессивности на материале удмуртского языка⁵. Вопрос о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке освещен в статье Н. Л. Федотовой [11], показатели притяжательности как средство оформления прямого дополнения в диалектах коми-зырянского языка охарактеризованы в работе Н. А. Сердобольской и С. Ю. Толдовой⁶.

Первое комплексное исследование категории притяжательности и средств ее выражения в области мордовских языков произведено в монографии А. П. Феоктистова⁷. Кроме этого, данный вопрос рассматривается в научных грамматиках⁸. Интересные наблюдения встречаются в трудах по диалектам мордовских языков, где объектом исследования становится прежде всего главный способ выражения притяжательности – суффиксы принадлежности, однако все эти работы выполнены на материале эрзянских говоров и посвящены таким вопросам, как характеристика притяжательных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия [12], особенности выражения числа обладателей и обладаемых в категории притяжательности [13] и др. Отметим также, что наряду с анализом диалектного материала ряд авторов ставит своей целью и его цифровизацию [14–16].

¹ Буланова М.Н. К категории посессивности в английском, русском и бурятском языках. В: Современные тенденции в обучении иностранным языкам: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. Э. В. Бурцева. Улан-Удэ; 2017. С. 123–125; Дроздова Т.А., Краснова Т.А. Прилагательные препозитивной семантики как единицы функционально-семантического поля посессивности в удмуртском и немецком языках. В: Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. статей. Ижевск; 2022. С. 89–96; Курбанова А.А. О категории принадлежности в башкирском и английском языках. В: Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа: РИЦ БашГУ; 2018. С. 234–236; Шершнева Е.В. Ядерная структура предикативного центра функционально-семантического поля посессивности в разносистемных языках (на материале финского, английского и русского языков). В: Феномен знания в цифровую эпоху: сб. науч. статей. СПб.; 2022. С. 187–192.

² Mark Ju. Die possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. I. Hälfte. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne; 1925. 279 p.

³ Кудашова Л.А. Выражение множественного числа обладаемых в венгерском языке. В: XXVII Огаревские чтения: мат-лы науч. конф.: в 5 ч. Ч. 3 (гуманитарные науки). Саранск: СВМО; 1998. С. 98–99.

⁴ Кудашова Л.А. Суффиксы посессивности с непритяжательной семантикой в эрзянском и венгерском языках. В: Сб. науч. трудов ученых Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева: в 2 ч. Ч. 2 (гуманитарные науки). Саранск: СВМО; 1999. С. 227–228.

⁵ Едыгарова С.В. Основные способы выражения предикативной посессии в удмуртском языке. В: Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск; 2008. С. 107–120; Edygarova S. Interference of the Russian Language on the Possessive Morphosyntactic Structures of the Udmurt Language in Translational Test Data. M. Kovács, U. Puura and O. Tánzos (eds) Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities. Uralica Helsingiensia 13. Helsinki; 2018. P. 113–161.

⁶ Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Структурная позиция прямого дополнения и его коммуникативный статус. В: Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. Отв. ред.: А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютюкова. М.: Издат. дом ЯСК; 2016. С. 417–443.

⁷ Феоктистов А.П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1963. 184 с.

⁸ Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск; 1980. 430 с.; Мокшень кяль. Морфология. Под ред. Н. С. Алямкина. Саранск: Красный Октябрь; 2000. 236 с.; Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология. Отв. ред. Д. В. Цыганкин. Саранск: Красный Октябрь; 2000. 280 с.

В настоящее время отсутствуют работы, в которых была бы представлена категория принадлежности и способы ее выражения в мокшанских диалектах, а также актуальная сегодня задача их цифровизации, имеются лишь разрозненные материалы, полученные в ходе исследования различных диалектов. Актуальность данного исследования состоит в представлении системы суффиксов принадлежности как главного средства выражения категории притяжательности на материале рузаевского ареала.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались основные методы диалектологии, включающие полевую работу, анкетирование, сравнительный анализ. Источником послужили материалы диалектологических экспедиций, осуществленных авторами в 2020–2025 гг. в сс. Левжа, Перхляй, Новая Муравьевка, Сузгарье, Палаевка, Болдово, Трусляй, Куликовка, Мордовское Баймаково Рузаевского района Республики Мордовия. Сбор материала проведен в ходе общения с коренными жителями сел, преимущественно с людьми старшего и среднего возраста. В процессе работы были соблюдены этические нормы полевых исследований: все информанты дали согласие на аудиофиксацию речи и последующее использование материала в научных целях.

С целью более точного описания системы лично-притяжательных суффиксов рузаевского ареала сбор полевого материала осуществлялся по специально составленной авторами программе, отражающей их варьирование. В процессе работы применялись также синхронно-описательный метод (для характеристики современного состояния суффиксальной системы) и структурный метод (для анализа взаимоотношений между различными вариантами суффиксов в рамках говора). В качестве вспомогательных использовались методы количественного анализа и включенного наблюдения, позволившие проследить естественную спонтанную речь носителей говоров.

Результаты исследования и их обсуждение

Главным средством выражения притяжательных отношений в говорах рузаевского ареала Республики Мордовия выступает развитая система суффиксов принадлежности, являющихся, как указывает Д. В. Цыганкин, одним из продуктивных языковых средств, посредством которых устанавливаются отношения принадлежности между грамматическим лицом обладателя и предметом обладания [13].

Имя существительное описываемого ареала характеризуется наличием десяти падежей (отсутствует каузатив). В системе показателей притяжательности грамматически выражены три категории: 1) лицо субъекта; 2) число обладателей; 3) число обладаемых. Исходя из этого, все имена существительные могут присоединять к себе суффиксы, обозначающие принадлежность предмета говорящему (1-е лицо), слушающему (2-е лицо) или тому, о ком или о чем говорят (3-е лицо), в единственном или множественном числе, которые в целом образуют шесть различных комплексов, соответствующих всем возможным комбинациям лица и числа обладателя в рамках притяжательной парадигмы: *mon'* 'мой', *ton'* 'твой', *son'* 'его', *min'* 'наш', *t'in'* 'ваш', *s'in'* 'их' (табл. 1).

Суффиксы принадлежности по своему составу не являются однородными. Внутри каждого ряда их два: первый используется в номинативе, генитиве, дативе, второй – в остальных падежах. Так, для единственного числа обладателей и обладаемых в ряде *mon'* 'мой' это *-z'ě / -z'ä*; *-n*; в ряде *ton'* 'твой' – *-c'ě / -c'ä*; *-t*, в ряде *son'* 'его' – *-c*; *-nd^zä*; для единственного числа обладателей и множества обладаемых в ряде *mon'* 'мой' – *-n'ě / -n'ä*; *-n*; в ряде *ton'* 'твой' – *-t'n'ě / -t'n'ä* (*-n'ě / -n'ä*); *-t*, в ряде *son'* 'его' – *-n^dzä*; для множественного числа обладателей и единственного и множественного

Таблица 1. Суффиксы принадлежности в говорах рузаевского ареала
Table 1. Suffixes of possession in the dialects of the Ruzaevsky area

Ряд (лицо субъекта) / Series (the subject's person)	Ед. ч. объекта / Singular form of the object	Мн. ч. объекта / Plural form of the object
<i>mon'</i> 'мой'	перх., сузг. -(ə)z'ě / лвж. -(ə)z'ä	перх., сузг. -(ə)n'ě / лвж. -(ə)n'ä
<i>ton'</i> 'твой'	перх., сузг. -c'ě / лвж. -c'ä	перх., сузг. -t'n'ě (-n'ë) / лвж. -t'n'ä (-n'ä)
<i>son'</i> 'его'	перх., сузг., лвж. -(ə)c	перх., сузг., лвж. -(ə)nd^zä
<i>min'</i> 'наш'	перх., сузг. -(ə)n'kě / лвж. -(ə)n'kä	
<i>t'in'</i> 'ваш'	перх., сузг. -(ə)n't'ě / лвж. -(ə)n't'ä	
<i>s'in'</i> 'их'	перх., сузг., лвж. -snä / -cnä	

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables are compiled by the authors.

числа обладаемых в ряде *min'* 'наш' – *-n'kě / -n'kä; -nk*, в ряде *t'in'* 'ваш' – *-n't'ě / -n't'ä; -nt*, в ряде *s'in'* 'их' – *-snä (-cnä); -st*. Суффиксы номинатива, генитива и датива появились в период самостоятельного развития мокшанского языка, остальные показатели, начиная с аблатива, сохранились с общемордовского языка. На наш взгляд, эту точку зрения легко подтвердить соответствующими примерами из эрзянского языка: номинатив: *sal* 'соль': руз. *salə-z'ě/-z'ä*, э. *salo-m*; руз. *sal-c'ě/c'ä*, э. *salo-t*; руз. *salə-c*, э. *salo-zo*; аблатив: руз. *sal-də-n*, э. *sal-do-n*; руз. *sal-də-t*, э. *sal-do-t*; руз. *sal-də-nd^zä*, э. *sal-do-nzo*; инессив: руз. *sal-sə-n*, э. *sal-so-n*; руз. *sal-sə-t*, э. *sal-so-t*; руз. *sal-sə-nd^zä*, э. *sal-so-nzo*. Диалектный материал показывает, что в номинативе, генитиве и дативе формы единственного и множественного числа в рядах *mon'* 'мой', *ton'* 'твой', *son'* 'его' отличаются как от форм мокшанского литературного языка, так и от других диалектов, в остальных падежах схожи с ними.

Падежные формы в притяжательном склонении образуются путем одновременной агглютинации суффиксов принадлежности и падежа к основе слова, однако порядок их следования не является последовательным: в первых трех падежах – номинативе, генитиве, дативе – суффикс принадлежности ставится за основой слова, за ним следует падежный формант; в аблативе, инессиве, элативе, иллативе, пролативе, компаративе, абессиве непосредственно к основе присоединяется падежный формант, за которым располагается маркер принадлежности, исключение составляют формы генитива и датива единственного числа ряда *son'* 'его' (в генитиве падежный формант занимает место перед маркером принадлежности, а в дативе маркер принадлежности разрывает падежный показатель) (табл. 2–3).

Анализ диалектного материала показал, что аблатив, инессив, элатив и пролатив притяжательного склонения характеризуются наличием двух и более алломорфов. Так, показатель аблатива представлен вариантами со звонким (*-dä(-də-)*) и глухим (*-tā(-tə-)*) согласными. Алломорф со звонким присоединяется к конечному звонкому согласному (*sazər* 'сестра' – *sazər-də-n* 'от моей сестры; от моих сестер'; *sazər-də-n(ə)k* 'от нашей сестры; от наших сестер') или гласному основы (*pe(ä)l'n'ě(ä)* 'племянник' – *pe(ä)l'n'ə-də-n* 'от моего племянника; от моих племянников'; *pe(ä)l'n'ə-də-n(ə)-k* 'от нашего племянника; от наших племянников'). Алломорф с глухим согласным присоединяется к конечному глухому согласному основы: *piks* 'веревка' – *piks-tə-n* 'от моей веревки; от моих веревок'; *piks-tə-n(ə)-k* 'от нашей веревки; от наших веревок' и т. д. Инессив (*-sə/-cə-*) и элатив (*-stə/-ctə-*) характеризуются алломорфами с щелевым согласным и аффрикатой. Алломорфы с аффрикатой присоединяется только к основам на *n, n'*, ср.: инессив: *me(ä)l'* 'мысль; память' – *me(ä)l'-sə-n* 'в моей памяти;

Таблица 2. Парадигма притяжательного склонения (ряды *mon'* 'мой', *ton'* 'твой', *son'* 'его')
 Table 2. The paradigm of the possessive declension (the series *mon'* 'my', *ton'* 'your', *son'* 'his')

Падежи / Cases	Ряды / Series		
	<i>mon'</i>	<i>ton'</i>	<i>son'</i>
Номинатив / Nominative	-(ə)z'ě, -n'ě -POSS- _{1sg/pl.}	-c'ě, -t'n'ě (-ně) -POSS- _{2sg/pl.}	-(ə)c, (ə)nd^zā -POSS- _{3sg/pl.}
Генитив / Genitive	-(ə)z'(ə)-n', -(ə)n'ə-n' -POSS-1 _{sg/pl.} GEN	-c'ə-n', -t'n'ə-n' -POSS-2 _{sg/pl.} GEN	-(ə)n-c, (ə)nd^zə-n -POSS-3 _{sg/pl.} GEN
Датив / Dative	-(ə)z'-t'i, -n'ə-n'd'i -POSS-1 _{sg/pl.} DAT	-c'-t'i, -t'n'ə-n'd'i -POSS-2 _{sg/pl.} DAT	-(ə)-n-c-ti, -(ə)nd^zə-ndi -POSS-3 _{sg/pl.} DAT
Аблатив / Ablative	-də/-tə-n -ABL _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-də/-tə-t -ABL _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-də/tə-nd^zā -ABL _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}
Инессив / Inessiv	-sə/-cə-n -INES _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-sə/-cə-t -INES _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-sə/-cə-nd^zā -INES _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}
Элатив / Elative	-stə/-ctə-n -EL _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-stə/-ctə-t -EL _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-stə/ctə-nd^zā -EL _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}
Иллатив / Illative	-(ə)zə-n -IL _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-z/(ə)zə-t -IL _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-(ə)zə-nd^zā -IL _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}
Пролатив / Prolative	-va/-ga-n -PROL _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-va/-ga-t-PROL _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-va/-ga-nd^zā -PROL _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}
Компаратив / Comparative	-ška-n/-čka-n -COMP _{sg.} POSS-1 _{sg/pl}	-ška-t/-čka-t -COMP _{sg.} POSS-2 _{sg/pl}	-ška-nd^zā/-čka-nd^zā -COMP _{sg.} POSS-3 _{sg/pl}
Абессив / Abessive	-(t')ftəmə-/-(t')ft'əmə-n -ABES _{sg=pl.} POSS-1 _{sg}	-(t')ftəmə-/-(t')ft'əmə-t -ABES _{sg=pl.} POSS-2 _{sg}	-(t')ftəmə-/-(t')ft'əmə-nd^zā -ABES _{sg=pl.} POSS-3 _{sg}

 Таблица 3. Парадигма притяжательного склонения (ряды *min'* 'наш', *t'in'* 'ваш', *s'in'* 'их')
 Table 3. The paradigm of the possessive declension (the series *min'* 'our', *t'in'* 'your', *s'in'* 'their')

Падежи / Cases	Ряды / Series		
	<i>min'</i>	<i>t'in'</i>	<i>s'in'</i>
Номинатив / Nominative	-(ə)n'kě/-(ə)n'kā -POSS- _{1p}	-(ə)n't'ě/-(ə)n't'ä -POSS- _{2pl}	-snä/-cnä -POSS- _{3pl}
Генитив / Genitive	-(ə)n'kə-n' -POSS-1 _{pl.} GEN _{sg/pl}	-(ə)n't'ə-n' -POSS-2 _{pl.} GEN _{sg/pl}	-snə/-cnə-n -POSS-3 _{pl.} GEN _{sg/pl}
Датив / Dative	-n'kə-n'd'i -DAT _{sg/pl.} POSS-1 _{pl}	-(ə)n't'ə-n'd'i -DAT _{sg/pl.} POSS-2 _{pl}	-snə/-cnə-ndi -DAT _{sg/pl.} POSS-3 _{pl}
Аблатив / Ablative	-də/-tə-n(ə)k -ABL _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-də/-tə-n(ə)-nt -ABL _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-də/-tə-st -ABL _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Инессив / Inessiv	-sə/-cə-n(ə)k -INES _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-sə/-cə-n(ə)-nt -INES _{sg=pl.} POSS-2 _{p.}	-sə/-cə-st -INES _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Элатив / Elative	-stə/-ctə-n(ə)k -EL _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-stə/-ctə-n(ə)-nt -EL _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-stə/-ctə-st -EL _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Иллатив / Illative	-(ə)zə-n(ə)k -IL _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-(ə)zə-n(ə)-nt -IL _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-(ə)zə-st -IL _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Пролатив / Prolative	-va/-ga/-ka-n(ə)k -PROL _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-va/-ga/-ka-n(ə)-nt -PROL _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-va/-ga/-ka-st -PROL _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Компаратив / Comparative	-ška-n(ə)k/-čka-n(ə)k -COMP _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-ška-n(ə)-nt/-čka-n(ə)-nt -COMP _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-ška-st/-čka-st -COMP _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}
Абессив / Abessive	-(t)ftəmə-/-(t)ft'əmə-n(ə)-k -ABES _{sg=pl.} POSS-1 _{pl}	-(t)ftəmə-/-(t)ft'əmə-n(ə)-nt -ABES _{sg=pl.} POSS-2 _{pl}	-(t)ftəmə-/-(t)ft'əmə-st -ABES _{sg=pl.} POSS-3 _{pl}

в моих мыслях'; *me(ä)l'-sə-t* 'в твоей памяти; в твоих мыслях'; *me(ä)l'-sə-nd^zä* 'в его памяти; в его мыслях' и т. д.; элатив: *me(ä)l'-stə-n* 'из моей памяти; из моих мыслей'; *me(ä)l'-stə-t* 'из твоей памяти; из твоих мыслей'; *me(ä)l'-stə-nd^zä* 'из его памяти; из его мыслей'; *me(ä)l'-stə-n(ə)k* 'из нашей памяти; из наших мыслей' и т. д. В этих падежах на морфемном стыке конечный взрывной согласный основы (*d, d', t, t'*) вместе с суффиксальным щелевым (*s, s'*) образует аффрикату *c*, которую обычно включают в состав суффиксальной морфемы: *kud* 'дом' – *ku-cə-n* 'в моем доме; в моих домах'; *ku-ctə-n* 'из моего дома; из моих домов' и т. д. Алломорф с аффрикатой также присоединяется к сокращенной основе на *d, d'* после выпадения в потоке речи редуцированного гласного: *pandä* 'гора' – *pan-cə-n, pan-cə-t, pan-cə-nd^zä; pan-ctə-n, pan-ctə-t, pan-ctə-nd^zä* и др. Алломорфы со щелевым согласным (*-sə-, -stə*) присоединяются ко всем остальным основам: *tərva-sə-n* 'на моей губе; на моих губах'; *tərva-stə-n* 'с моей губы; с моих губ'; *tərva-sə-t* 'на твоей губе; на твоих губах'; *tərva-stə-t* 'с твоей губы; с твоих губ'; *tərva-sə-nd^zä* 'на его губе; на его губах'; *tərva-stə-nd^zä* 'с его губы; с его губ'.

В отличие от основного склонения, где алломорфы пролатива употребляются с гласными и переднего, и заднего ряда, в притяжательном встречаются только варианты с заднерядным *a*. Носители говоров чаще всего используют *-ga-, -va-*, причем *-ga-* агглютинирует к основе на звонкий согласный: *acam* 'перина' – *acam-ga-n* 'по моей перине; по моим перинам'; *acam-ga-n(ə)k* 'по нашей перине; по нашим перинам', а вариант с *-va-* присоединяется только к основам на гласный: *kudbr'e(ä)* 'крыша' – *kudbr'a-va-n* 'по моей крыше; по моим крышам'; *kudbr'a-va-n(ə)k* 'по нашей крыше; по нашим крышам'. Вариант *-ka-* встречается редко. Это объясняется тем, что он присоединяется к глухому согласному конца основы, а таких слов в рузаевском ареале мало. В основном это слова, исторически представляющие собой страдательные причастия прошедшего времени, подвергшиеся субстантивации и со временем пополнившие состав имен существительных: *poč'f* 'мука', *vanf* 'взгляд', а также производные существительные, образованные при помощи суффикса *-ks*: *ked'* 'рука' – *ket'ks* 'нарукавник', *ladəms* 'остаться' – *latks* 'остаток', *lixtəms* 'вывести' – *le(i)fkks* 'цыпленок': *ket'ks-ka-nd^zä* 'по его нарукавнику; по его нарукавникам'; *ket'ks-ka-st* 'по их нарукавнику; по их нарукавникам'; *ket'ks-ka-n(ə)-nt* 'по вашему нарукавнику; по вашим нарукавникам' и т. д.

В говорах рузаевского ареала используются два суффикса принадлежности множественного числа – *-n/-n'* и *-k*; *-n/-n'* – исторически сложившийся показатель множественного числа, который в рузаевском ареале закрепился как один из маркеров притяжательности – суффикс, выражающий число обладаемых: *aka-n'ě/-n'ä* 'мои тети', *aka-t'n'ě/-t'n'ä* 'твои тети', *aka-nd^zä* 'его/ее тети', *-k* – выразитель множественности обладателей (в период самостоятельного развития мокшанского языка в большинстве рядов он исчез, что привело к объединению форм единственного и множественного числа, поэтому *aka-n'kě/-n'kä* одновременно это и 'наша тетя', и 'наши тети', *aka-n't'ě/-n't'ä* 'ваша тетя' и 'ваши тети' и т. д.). Следует также отметить, что собранный диалектный материал свидетельствует о том, что в ряде *t'in'* 'ваш' (а также в ряде *m'in'* 'наш') в большинстве говоров рузаевского ареала сохранился исторический показатель множественного числа субъекта *-n'ə*. В форме 2-го лица множественного числа обладаемых при одном обладателе сохранились суффиксы принадлежности, содержащие в своем составе исторические дифтонгические сочетания: согласные *j* и *v* перед глухим согласным суффикса множественного числа *-t-* оглушаются и переходят *v > f, j > J/Š*, а *t* выпадает: *pokəd'iJ/Š-n'ě* 'твои работницы', *pokəd'iJ/Š-n'ə-n'* 'твоих работников', *pokəd'iJ/Š-n'ə-n'd'i* 'к твоим работникам'; *šukštəruf-n'ě* 'твоя смородина', *šukštəruf-n'ə-n'* 'твоей смородины', *šukštəruf-n'ə-n'd'i* 'к твоей смородине'.

Два суффикса принадлежности употребляются в двух вариантах. Это суффиксы 2-го лица множественного числа обладаемых в ряде *ton'* 'твой' (омонимичен суффиксу указательного склонения множественного числа *-t'n'ě/-t'n'ä (-n'ě/-n'ä)* и 3-го лица единственного и множественного числа обладаемых в ряде *s'in'* 'их' *-snä /-cnä* (один из них выступает с начальным фрикативным согласным, а второй – с аффрикатой) [17].

В рядах *min'* 'наш' и 'наши', *t'in'* 'ваш' и 'ваши' наблюдается слияние форм единственного и множественного числа объекта: *kal'ä-n'kě(ä)* 'наша ива; наши ивы'; *kal'ä-n't'ě* 'ваша ива; ваши ивы'. Омонимичность подобных словоформ носителями говоров устраняется различными средствами языка. Это может быть, например, форма сказуемого [18]: сузг., перх. *jalga-n'kě pokəd'i moskusä* '[наш] друг работает в Москве'; сузг., перх. *jalga-n'kě pokədi.J/Št' moskusä* '[наши] друзья работают в Москве', стоящее перед именем существительным количественное слово: левж. *min' fkä jalga-n'kä* 'у нас один [наш] друг', *min' lamə jalga-n'kä* 'у нас много [наших] друзей' и т. д.

Продемонстрируем парадигму притяжательного склонения на примере имени существительного *l'em* 'имя' (ряды *ton'* 'твой', *t'in'* 'ваш') (табл. 4).

Суффиксы принадлежности обладают многообразной семантикой. Носители говоров рузаевского ареала присоединяют их к основе имени существительного с любым лексическим содержанием. Наиболее часто семантика обладания обнаруживается: а) в конструкциях, соответствующих словосочетаниям типа «у кого-то что-то / кто-то есть»: перх. *son' ul's't' kotə šaba-nd^zä* «У него было шестеро детей»; перх., сузг. *pir'f-s' pešks'al' žuvata-də-n(ə)k* «Двор был полон скотины»; перх., сузг., левж. *t'in' š'š'ava-n't'ä-n' savi uč'əms* «Вашу бабушку придется подождать»; б) в именах существительных, обозначающих термины родства и свойства: перх., сузг. *t'e mon' aka-z'ě* «Это [моя] тетя»; перх. *ašəz'ə mu af d'ed'a-n-c / af al'a-n-c* «Не нашел ни [его] матери, ни [его] отца»; перх., сузг., левж. *sazər-də-nd^zə baška tosə n'ingə ul's' an'us'* «Кроме сестры [его] там была еще Аня»; в) в именах существительных, обозначающих

Т а б л и ц а 4. Изменение имени существительного *l'em* 'имя' в притяжательном склонении
 Table 4. The change of the noun *l'em* 'name' in the possessive declension

Падежи / Cases	Ряды / Series			
	<i>ton'</i>		<i>t'in'</i>	
	Одно обладаемое / One possessed	Множество обладаемых / Many possessed	Одно обладаемое / One possessed	Множество обладаемых / Many possessed
Номинатив / Nominative	l'em-c'ě / -c'ä	l'ep-n'ě / -n'ä	l'emə-n't'ě / -n't'ä	
Генитив / Genitive	l'em-c'ə-n'	l'ep-n'ə-n'	l'emə-n't'ə-n'	
Датив / Dative	l'em-c'-t'i / l'em-c'ə-n'd'i (-t'i)	l'ep-n'ə-n'd'i	l'emə-n't'ə-n'd'i	
Аблатив / Ablative		l'em-də-t	l'em-də-(nə)-nt	
Инессив / Inessiv		l'em-sə -t	l'em-cə-(nə)-nt	
Элатив / Elativ		l'em-stə-t	l'em-ctə-(nə)-nt	
Иллатив / Illative	l'emə-z(ə)-t / l'emə-z-t		l'emə-z-ə-(nə)-nt	
Пролатив / Prolative		l'em-ga-t	l'em-ga-(nə)-nt	
Компаратив / Comparative		l'em-ška-t	l'em-ška-(nə)-nt	
Абессив / Abessive		l'em-ftəmə-t	l'em-ftəmə-(nə)-nt	

части тела: перх., сузг., левж. *pr'a-stə-t jordak* «Из [твоей] головы выбрось»; перх., сузг. *šabat' ke-ctə-nd[^]zə ašəz'ə noln'ě* «Ребенка он не выпускал из рук [своих]»; перх. *s'oma kipəd'əz'ən' ked'ə-nd[^]zə-n ver'i* «Сёма поднял руки [его] вверх»; г) при именах существительных, называющих предметы одежды и обуви: перх., сузг. *al'ez'ə povftiaz'ə vaz'ə-n-c tulən'et'i* «Отец [мой] повесил [его] шапку на вешалку»; левж. *vit'äs' puŋkstaz'ən pun'a-nd[^]zə-n* «Витя застегнул пуговицы [свои]»; перх., сузг. *š's'amək orn'e-n'kə-n'/l'is'əme ul'cav* «Надев шубки [наши], мы вышли на улицу»; д) при именах существительных, обозначающих физические, психические состояния и различные проявления деятельности человеческого организма: левж. *aldut' kăžə-nd[^]zə sas't'* «Алду (Евдокия) разозлилась (букв.: злоба [у нее] пришла)»; перх., сузг., левж. ...*af vanəmək evəd'ama-snə-n lanġs* «...несмотря на [их] страх»; перх. *k'in'er'd'ama-n'kě ašəz' t'el'gən'd'ə potməzə-n(ə)k* «Радость [наша] не умещалась внутри [нас]»; перх., сузг., левж. *v'iz'ksə-n-c sašəndəvi viz'dəms* «Приходится его стыдиться (букв.: приходится стыд [его] терпеть)»; е) при именах существительных, обозначающих размеры предметов: сузг., левж. *aš pe-c, aš k'el'ə-c*, перх. *aš pi-c, aš k'il'ə-c* «Ни конца [у него], ни края [у него]»; сузг., левж. *šrat' kel'ə-c mek kaftə metrat i kuvalmə-c kolmä* «Ширина стола целых два метра и длина три»; *ič'kə-z'ə t'it' af uŋkstavi* «[мою] ширину (толщину) тебе не измерить».

При именах существительных с различным лексическим наполнением суффиксы принадлежности свидетельствуют об отношении притяжательности в самом широком смысле, однако следует отметить, что в говорах рузаевского ареала они, присоединяясь к именам существительным, могут обозначать и другие отношения. Так, например, в составе имен существительных *lanġä* 'поверхность', *kuvalmä* 'длина', *vajmä(ě)* 'душа', *prä(ě)* 'голова' вместе с местоимением *es' / is'* 'свой, своя, свое, свои' они передают значение возвратности: левж. *s't'ir'n'äs' azən'c' es' kuvalma-nd[^]zä* «Девочка рассказала о себе»; сузг. *užel'd'əs't' es' pr'e-n't'(t)ə-n'* «пожалейте (поберегите) себя»; перх. *is' pr'e-n't'ə-n' koRtaftəs't'* «о себе сплетничайте»; сузг., левж. *es' vajmä-n't'ə-n' id'əs't'* «спасайте свои души».

Суффиксы 3-го лица единственного числа носителями говоров могут использоваться в значении морфем определенности при именах, называющих явления природы, временные отрезки: перх., сузг., левж. *šobdava-n-c lanġs tus' piz'əm* «К вечеру [его] пошел дождь», *abet't'i sams marozə-n-c s'in'd'əz'ě* «К обеду мороз [его] ослаб». В обращениях, обозначающих термины родства и свойства, вместо суффикса принадлежности 1-го лица единственного числа используется формант множественного числа: левж. *moŋə / d'äd'ä-n'kə / stan'ä koRtan* «И я, мама [наша], так же говорю».

Заключение

В ходе исследования нами рассмотрена система суффиксов принадлежности рузаевского ареала, выражающих три категории: 1) лицо; 2) число обладателей; 3) число обладаемых. Выявлено, что все имена существительные могут присоединять к себе маркеры, указывающие на принадлежность предмета к 1-му, 2-му и 3-му лицу единственного или множественного числа, а также дифференцируются по количеству обладаемых предметов. По лицу и числу обладателей они образуют различные комбинации в шести рядах. В зависимости от числа обладателей и обладаемых предметов, формы выражения принадлежности меняются: один обладатель, одно обладаемое: 1 л. – сузг., перх. *-(ə)z'ě / левж. -(ə)z'ä*; 2 л. – сузг., перх. *-c'ě / левж. -c'ä*; 3 л. – руз. *-(ə)c*; один обладатель, много обладаемых: 1 л. – сузг., перх. *-n'ě / левж. -n'ä*; 2 л. – сузг., перх. *-t'n'ě / левж. -t'n'ä*; 3 л. – руз. *-snä (-cnä)*; много обладателей, одно обладаемое; много обладателей, много обладаемых: 1 л. – сузг., перх. *-(ə)n'kě / левж. -(ə)n'kä*, 2 л. – сузг., перх. *-(ə)n't'ě / левж. -(ə)n't'ä*, 3 л. – руз. *-snä (-cnä)*.

Иллюстративный корпус рузаевского ареала показал неоднородность суффиксов принадлежности в различных падежах. В каждом из рядов их два: первый употребляется в номинативе, генитиве, дативе, второй – во всех остальных падежах. Их агглютинация к имени существительному своеобразна. Так, в номинативе, генитиве, дативе суффикс принадлежности присоединяется непосредственно к основе, после него следует падежный формант; в аблативе, инессиве, элативе, иллативе, пролативе, компаративе, абессиве, напротив, после основы слова ставится падежный формант, а за ним – суффикс принадлежности.

Приведенный материал вносит вклад в исследование категории притяжательности в диалектах мокшанского языка, поскольку обращение к морфологическим особенностям разных грамматических категорий рузаевского ареала только началось. Проанализированные авторами данные позволили уточнить состав и семантику суффиксов принадлежности описываемого говора, их неоднородность в различных падежах, выявить междиалектное варьирование. Дальнейшее изучение позволит значительно расширить знания в данной области с точки зрения синхронии и диахронии языкового материала.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Левж. – левженский тип говоров; перх. – перхляйский тип говоров; руз. – рузаевские говоры мокшанского языка; сузг. – сузгарьевский тип говоров; э. – эрзянский язык; POSS – посесивный суффикс; 1sg – единственное число ряда *монь* ‘мой’; 2sg – единственное число ряда *тонь* ‘твой’; 3sg – единственное число ряда *сонь* ‘его’; 1pl – множественное число ряда *минь* ‘наш’; 2pl – множественное число ряда *тинь* ‘ваш’; 3pl – множественное число ряда *синь* ‘их’.

ABBREVIATIONS

Левж. – Levzhensky dialect type; перх. – Perkhlyai dialect type; руз. – Ruzaevsky dialects of the Moksha language; сузг. – Suzgarevsky dialect type; э. – Erzya language; POSS – possessive suffix; 1sg – singular of the mon’ series ‘my’; 2sg – singular of the ton’ series ‘yours’; 3sg – singular of the son’ series ‘his’; 1pl – plural of the min’ series ‘our’; 2pl – plural of the tin’ series ‘your’; 3pl – plural of the xin’ series ‘their’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Г.С., Водясова Л.П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка. *Вестник угроведения*. 2023;13(1):63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
2. Иванова Г.С., Водясова Л.П., Иванова Н.В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>
3. Иванова Г.С., Водясова Л.П., Иванова Н.В. Становление системы вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала. *Вестник угроведения*. 2025;15(2):238–246. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2025-15-2-238-246>
4. Иванова Г.С., Иванова Н.В., Сайгутина К.И. Фонетическая система рузаевских говоров перхляйского типа (сравнительный аспект). *Гуманитарные науки и образование*. 2025;16(2):137–143. <https://www.elibrary.ru/bkvbgb>
5. Краснощеков Е.В. Притяжательное склонение в монгольских языках. *Фундаментальные исследования*. 2014;(12–7):1586–1591. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36408> (дата обращения: 07.11.2025).

6. Давлетшина С.М. Анализ структурных особенностей категории посессивности. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018;(8):51–56. URL: https://vestnik.tspu.ru/archive.html?year=2018&issue=8&article_id=7149 (дата обращения: 07.11.2025).
7. Дэбриц К.Л. Предикативная посессивность в долганском языке. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2018;(2):29–38. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-2-29-38>
8. Christie J.J. Locative, Possessive and Existential in Swahili. *Foundations of Language*. 1970;6(2):166–177.
9. Lyons J. A Note on Possessive, Existential and Locative Sentence. *Foundations of Language*. 1967;3(4):390–396.
10. Торотоев Г.Г., Торотоева С.Г. Лингвистическое аннотирование грамматических категорий языка саха: имя существительное. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022;15(3):329–336. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0360>
11. Федотова Н.Л. К вопросу о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке. *Урало-алтайские исследования*. 2017;(2):67–78. URL: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2017_25.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
12. Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
13. Цыганкин Д.В. Особенности выражения числа обладателей и обладаемых в категории посессивности в диалектах эрзянского языка. *Вестник угроведения*. 2015;(2):88–95. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cyganкин_d.v_1.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
14. Стриелковски В., Корнеева Е.Н., Шерстобитова А.А., Платицын А.Ю. Стратегическое управление университетом в контексте цифровизации: опыт ведущих университетов мира. *Интеграция образования*. 2022;26(3):402–417. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
15. Кондрагьева Н.В., Пушина Н.И. Функционирование финно-угорских языков Российской Федерации в эпоху цифровизации. *Вестник угроведения*. 2022;12(2):377–385. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
16. Гудошников А.А., Агеева Г.М. Социальные медиа финно-угорской тематики в интернет-пространстве. *Огарёв-online*. 2014;17(2). URL: <https://sciup.org/147248664> (дата обращения: 12.09.2025).
17. Мосин М.В., Мосина Н.М. Система согласных в середине финно-угорской основы слова в мордовских языках. *Вестник угроведения*. 2020;10(2):282–291. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
18. Водясова Л.П., Иванова Г.С. Неактуализированные и актуализированные члены предложения в современном эрзянском языке. *Вестник угроведения*. 2022;12(4):607–615. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-4-607-615>

Информация об авторах:

Водясова Любовь Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-код: **8388-6461**, LVodjasova@yandex.ru

Иванова Галина Софроновна, доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков и литературы МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-код: **9672-5363**, galina17-05@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. П. Водясова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Г. С. Иванова – разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 08.11.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.

REFERENCES

- Ivanova G.S., Vodyasova L.P. Inflectional Potential of the Demonstrative Declension in the Transitional Dialect of the Moksha Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):63–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
- Ivanova G.S., Vodyasova L.P., Ivanova N.V. Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area. *Finn-Ugric World*. 2025;17(1):21–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>
- Ivanova G.S., Vodyasova L.P., Ivanova N.V. Formation of the Vocalism System of the Moksha Subdialects of the Ruzaevsky Area. *Bulletin of Ugric Studies*. 2025;15(2):238–246. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2025-15-2-238-246>
- Ivanova G.S., Ivanova N.V., Saigutina K.I. Phonetic System in Ruzaevka Subdialects of Perkhlyay Type (Comparative Aspect). *The Humanities and Education*. 2025;16(2):137–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/bkvbgb>
- Krasnoschekov E.V. Possessive Declension in the Mongolian Language. *Fundamental research*. 2014;(12–7):1586–1591. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36408> (accessed 07.11.2025).
- Davletshina S.M. Structural Peculiarities Analysis of the Category of Possessiveness. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018;(8):51–56. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik.tspu.ru/archive.html?year=2018&issue=8&article_id=7149 (accessed 07.11.2025).
- Däbritz C.L. Predicative Possession in Dolgan. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2018;(2):29–38. (In Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-2-29-38>
- Christie J.J. Locative, Possessive and Existential in Swahili. *Foundations of Language*. 1970;6(2):166–177.
- Lyons J. A Note on Possessive, Existential and Locative Sentence. *Foundations of Language*. 1967;3(4):390–396.
- Torotoev G.G., Torotoeva S.G. Linguistic Annotation of Grammatical Categories of Sakha: Nouns. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022;15(3):329–336. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0360>
- Fedotova N.L. On the Non-Possessive Use of Possessive Suffixes in Central and Southern Selkup. *Ural-Altai Studies*. 2017;(2):67–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2017_25.pdf (accessed 07.11.2025).
- Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finn-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
- Tsygankin D.V. The Details of Expression of a Number of Owners and Possessed in the Category of Possessively in the Dialects of Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;(2):88–95. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cygankin_d.v_1.pdf (accessed 07.11.2025).

14. Strielkowski W., Korneeva E.N., Sherstobitova A.A., Platitzyn A.Yu. Strategic University Management in the Context of Digitalization: The Experience of the World's Leading Universities. *Integration of Education*. 2022;26(3):402–417. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
15. Kondratyeva N.V., Pushina N.I. Functioning of the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation in the Epoch of Digitalization. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(2):377–385. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
16. Gudoshnikova A.A., Ageeva G.M. Internet Social Media on Finno-Ugric Issues. *Ogarev-online*. 2014;17(2). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sciup.org/147248664> (accessed 12.09.2025).
17. Mosin M.V., Mosina N.M. The Consonant System in the Middle of the Finno-Ugric Word Stem in the Mordovian Languages. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(2):282–291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
18. Vodyasova L.P., Ivanova G.S. Non-Actualized and Actualized Members of a Sentence in the Modern Erzya Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(4):607–615. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-4-607-615>

Information about the authors:

Lyubov P. Vodyasova, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Professor of the Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev (11A Studencheskaya St., Saransk 430007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-code: 8388-6461, LVodjasova@yandex.ru

Galina S. Ivanova, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of Mordovian Languages and Literature, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-code: 9672-5363, galina17-05@yandex.ru

Authors' contribution:

L. P. Vodyasova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); conducting a research and investigation process, specifically performing the data; verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

G. S. Ivanova – development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 08.11.2025; revised 12.01.2026; accepted 19.01.2026.